

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОѢЗДКАХЪ ПО МАЛОРОССІИ.

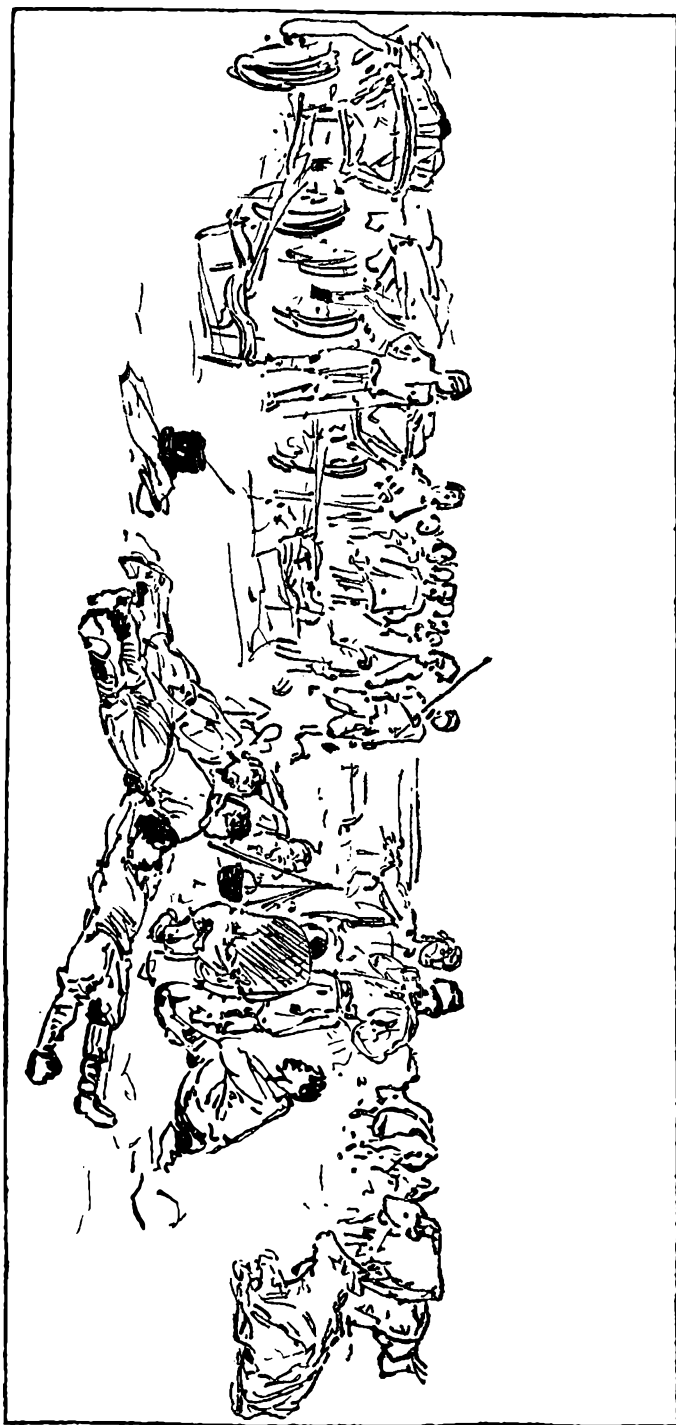
Съ отраднымъ чувствомъ мысленно переношусь въ прошлое, въ 50-е и 60-е года, вспоминаю свои поѣздки по Малороссіи съ художественной цѣлью,—когда въ этомъ чудесномъ краѣ существовали довольство, простота и радушіе, когда хранились еще въ народѣ старые патріархальные обычаи и своеобразные, живописные костюмы, существовало чумачество и когда на каждомъ шагу можно было встрѣтить слѣпого бандуриста, воспѣвавшаго прошлое своей родины въ думахъ и пѣсняхъ, а затѣмъ переходившаго къ удалой веселой пѣснѣ, подъ звуки которой съ невыразимымъ увлеченіемъ молодежь пускалась въ бѣшеный плясъ, а на лицахъ стариковъ и старухъ появлялась веселая улыбка. Все было такъ красиво и чувствовалось, что народу, строго хранившему свои обычаи и вѣковые завѣты, несмотря ни на что, жилось все таки хорошо и привольно. Малороссійскія деревни и хутора производили чарующее впечатлѣніе, а внутренность бѣлыхъ хатъ поражала чистотою и опрятностью. И теперь, конечно, въ Малороссіи много сохранилось отъ прежняго, но многое и утрачено. Старинныя чудесныя пѣсни вытѣснены солдатскими или еще хуже—фабричными, бабы и дивчата, вмѣсто живописныхъ плахтъ и корсетовъ, надѣли уродливо сшитыя платья и „пóльты“,—мужчины надѣли поддевки и картузы, вмѣсто бѣлыхъ свитъ и шапокъ, а бандуру замѣнила гармонія. Только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, куда еще не достигла такая „цивилизациа“, сохранилось кое что отъ старины.

Поѣздки свои я обыкновенно совершалъ на своихъ лошадяхъ, въ тарантаѣ, ѣхалъ не спѣша, останавливаясь въ мѣстахъ, гдѣ находилъ что нибудь интересное. Случалось, ночью я встрѣчалъ таборъ чумаковъ, остановившихся на ночлегъ,—мѣсяцъ ярко освѣщалъ множество *хуръ* (подводъ), вдали паслись волы, вокругъ костра лежали и сидѣли чумаки, варили кулишъ. Костеръ ярко освѣщалъ близлежащихъ чумаковъ, слабѣе были освѣщены возы еще слабѣе пасущіеся волы и затѣмъ все тонуло въ ночной мглѣ. Чумаки или отправлялись въ Крымъ за солью, или возвращались оттуда. Во всякомъ таборѣ былъ непременно хоръ и одинъ изъ чумаковъ выбирался въ регенты. И эти чудныя пѣсни, исполнявшіяся большею частію баритонными голосами, и эти живописныя картины—дѣйствовали такъ обаятельно на душу.

Присаживался я къ костру и чумаки всегда радушно предлагали мнѣ раздѣлить съ ними трапезу и угощали горилкой,—и какая чудесная тогда была водка!

Если я узнавалъ, что въ какомъ нибудь городѣ или селѣ была ярмарка, то непременно направлялся въ этотъ городокъ или село—и всякій разъ находилъ множество интересныхъ сценъ и типовъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я направился въ г. Гадячъ, полтавской губ., гдѣ долженствовала открыться ярмарка 29 іюня „на Петра“. За нѣсколько верстъ передъ городомъ мнѣ стали попадаться пѣшіе и конные жители окрестныхъ селъ. Все это стремилось въ городъ продавать, покупать, погулять и потолкаться среди народа. Медленно тащились возы, запряженные большею частію волами, и нагруженные бабами и дивчатами съ веселыми лицами,—мужики большею частію шли около возовъ, покрикивая на воловъ. Дорога была песчаная, по сторонамъ тянулся невысокій лѣсъ, въ концѣ его дорога упиралась въ рѣку Пселъ, а за рѣкой на горѣ показался весь утопающій въ зелени Гадячъ. Видъ былъ очень красивый, но гармонія его нарушалась только возвышавшимся среди города безобразнымъ зданіемъ острога. Взобравшись на гору, мы съ трудомъ пробрались чрезъ толпу народа, между возовъ и палатокъ, до постоялаго двора, гдѣ я нашелъ просторную, чистую комнату. Стѣны ея были чисто выбѣлены мѣломъ, скамьи и столъ вымыты, а на толстой балкѣ огромными буквами были написаны какія то изреченія изъ св. писанія.

Поѣвши отличнаго борщу и еще чего то, я тотчасъ же отправился бродить по ярмаркѣ и сдѣлавши нѣсколько шаговъ, наткнулся на прелестную сцену: малорусская дѣвушка, поразительной красоты,—что то объясняла мимикой стоящей передъ ней бабѣ (она оказалась глухо-нѣмой); всѣ ея движенія были такъ натурально красивы, что я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, мнѣ ужасно захотѣлось нарисовать лицо этой дѣвушки, но какъ я не упрашивалъ ее, предлагая хорошую плату, она ни за что не согласилась мнѣ позировать.—Около насъ собралась кучка народа, и жида накинудись съ бранью на мою красавицу за то, что она не согласилась на мое предложеніе, и дивились, какъ это она не польстилась на предлагаемыя ей деньги.

Нагулявшись вдоволь по ярмаркѣ, купивъ себѣ костюмовъ, я зашелъ на свою квартиру, гдѣ и зачертилъ въ свой альбомъ видѣнныя мною сцены. Затѣмъ, захвативъ съ собою альбомъ, я отправился на окраины города. Городъ былъ окруженъ гористою мѣстностью, покрытою лѣсомъ, въ ярахъ текли ручейки, тамъ и сямъ были разбросаны хатки, окруженныя маленькими садиками, около хатокъ были насажены цвѣты: мальва, георгины

и вился королевъ цвѣтъ,—а внизъ, къ ручью бѣжали узенькія дорожки. Кругомъ была тишина невозмутимая, такъ какъ всѣ обитатели этихъ хатъ отправились на ярмарку. Ничто не мѣшало мнѣ сидѣть, разглядывать окружающую меня природу—и чертить въ альбомѣ. Одна изъ хатокъ привлекла особенно мое вниманіе, и я сталъ ее срисовывать. Черезъ нѣсколько времени въ воротахъ показалась баба, удивленно посмотрѣла на меня, и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ эта баба, сидя верхомъ на лошади, выѣхала со двора и стремглавъ куда то поскакала. Потомъ я узналъ, что она отправилась къ своему мужу, на пасику, чтобы сообщить ему, что „якійсь то панъ“ сидитъ противъ ихъ хаты, и пишетъ, и нѣтъ ли тутъ „якого лыха“.

Окончивъ рисунокъ, я направился обратно на свою квартиру. Проходя мимо воротъ какого то двора, я увидалъ, что, опершись на ворота, стояла какая то полная женщина, повидимому мѣщанка, такъ какъ она была одѣта въ платье и волосы ея были зачесаны „у пучку“. Особа эта обратилась ко мнѣ съ словами: „Здраствуйте, будьте здоровы!“—Отвѣтивъ на ее привѣтствіе поклономъ, я хотѣлъ идти далѣе,—но она снова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Что се вы дѣлаете?“ Я отвѣтилъ, что гуляю, рисую.—„На що же вы—это рисуете?“, снова спросила она меня. Я отвѣчалъ, что такъ мнѣ надо,—и хотѣлъ идти. Но не тутъ то было. Особа стала меня упрашивать зайти къ ней въ хату, отдохнуть и закусить. Я долго отказывался, но она просила такъ любезно и настойчиво, что я наконецъ согласился зайти, имѣя при этомъ въ виду найти что нибудь интересное во внутренней обстановкѣ жилища. Когда я вошелъ въ домъ, то увидѣлъ тамъ какого то господина въ вицъ-мундирѣ, шагавшаго по комнатѣ и кутившаго изъ длиннѣйшаго чубука, пыхтя и пуская клубы дыма. При моемъ появленіи, господинъ какъ то подозрительно взглянулъ на меня, почти не поклонился, и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Хозяйка, поставивши на столъ, покрытый чистой скатертью, пироги, колбасы, огурцы, паляницы и графинчикъ водки, стала усердно угощать меня, болтая безъ умолку. Чиновникъ все пыхтѣлъ, дымилъ, и по временамъ бросалъ на меня свирѣпыя взгляды. Черезъ нѣсколько времени, онъ какъ то разомъ остановился

противъ меня, и хриплымъ голосомъ спросилъ, чѣмъ это я занимаюсь, и что это за книжка, которую я принесъ съ собою. Я отвѣчалъ ему тоже, что и хозяикѣ, продолжая съ апшетитомъ уплетать колбасу, пирогъ и огурцы. „А есть ли у васъ, милостивый государь, паспортъ?“ еще болѣе свирѣпо спросилъ меня, чиновникъ. Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ меня, такъ что я даже поперхнулся. Паспорта у меня не было. Въ тѣ времена, о которыхъ пишу, было проще и на ѣздившихъ на своихъ лошадяхъ помѣщиковъ не обращали большаго вниманія, но все же при поѣздкѣ въ сосѣднія губерніи всякій обязанъ былъ брать какой нибудь видъ. Для меня стало ясно, что этотъ чиновникъ, вѣроятно служащій въ полиціи, имѣлъ виду, въ случаѣ если у меня паспорта не окажется, получить отъ меня въ свою пользу какую нибудь сумму. Я былъ смущенъ, но все же сказалъ ему, что показывать свой видъ я не обязанъ всякому—и не знаю, кто онъ такой и имѣетъ ли онъ право дѣлать мнѣ такіе вопросы. Госнодинъ возражалъ мнѣ, что много шатается всякаго народу, подозрительныя бываютъ, и поджигатели, и всякія темныя личности, и что всякій гражданинъ обязанъ содѣйствовать правительству въ поимкѣ вредныхъ людей и пр., и наконецъ сталъ указывать мнѣ тѣ печальныя послѣдствія, которымъ подвергается всякій путешественникъ, не имѣющій при себѣ никакого вида. Я довольно храбро сказалъ ему, что паспорта не покажу и прошу его не мѣшаться не въ свое дѣло. Однако въ душѣ я сталъ очень беспокоиться какъ бы не вышло какой нибудь непріятности. Но вдругъ я вспомнилъ, что въ моемъ альбомѣ, случайно былъ мой заграничный паспортъ, въ который была завернута рисовальная бумага, и мнѣ пришло въ голову воспользоваться этимъ документомъ въ моемъ критическомъ положеніи. Въ то время заграничные паспорта были большаго размѣра, на цѣломъ листѣ писчей бумагѣ на одной половинѣ было напечатано на русскомъ языкѣ, а на другой на нѣмецкомъ, имя, фамилія и все что слѣдуетъ.—Идея воспользоваться этимъ видомъ меня очень ободрила, и я тотчасъ перемѣнилъ тонъ изъ смиреннаго въ вызывающій.— „Что вы ко мнѣ придираетесь“, сказалъ я ему, „я можетъ быть командированъ начальствомъ и исполняю какое нибудь важное

порученіе“. Но мой чиновникъ нисколько не смутился, и мои слова не произвели на него никакого впечатлѣнія; съ усмѣшкой онъ возразилъ мнѣ, что лица, посылаемые начальствомъ, ѣздятъ въ каретѣ и о пріѣздѣ ихъ въ данное мѣсто знаютъ заранѣе,— что ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ мѣстные чиновники и что они не бродятъ по захолустьямъ, съ какими то книжками—можетъ быть недозволенными.—„Ну, хорошо“ сказалъ я ему, „я вамъ покажу часть своего паспорта, ту часть, гдѣ значится мое званіе и фамилія, а другую часть, гдѣ обозначено порученное мнѣ дѣло, я вамъ показать не могу—это секретъ“; при этомъ я сунулъ ему подъ носъ сперва то мѣсто, гдѣ значилась моя фамилія, а затѣмъ другое, гдѣ была огромная печать. Печать эта такъ поразила моего преслѣдователя, что онъ тотчасъ перемѣнилъ со мною обращеніе сдѣлался любезнѣе, извинялся и принялся угощать меня вмѣстѣ съ хозяйкой. Но, несмотря на такой, повидимому благопріятный, исходъ изъ затруднительнаго положенія, я поспѣшилъ распрощаться съ хозяйкой, отправился на свою квартиру, немедленно велѣлъ запрягать лошадей и уѣхалъ изъ Гадяча, чѣмъ, можетъ быть, избѣгнулъ непріятности посидѣть подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не разъяснилась бы моя благонамѣренность.

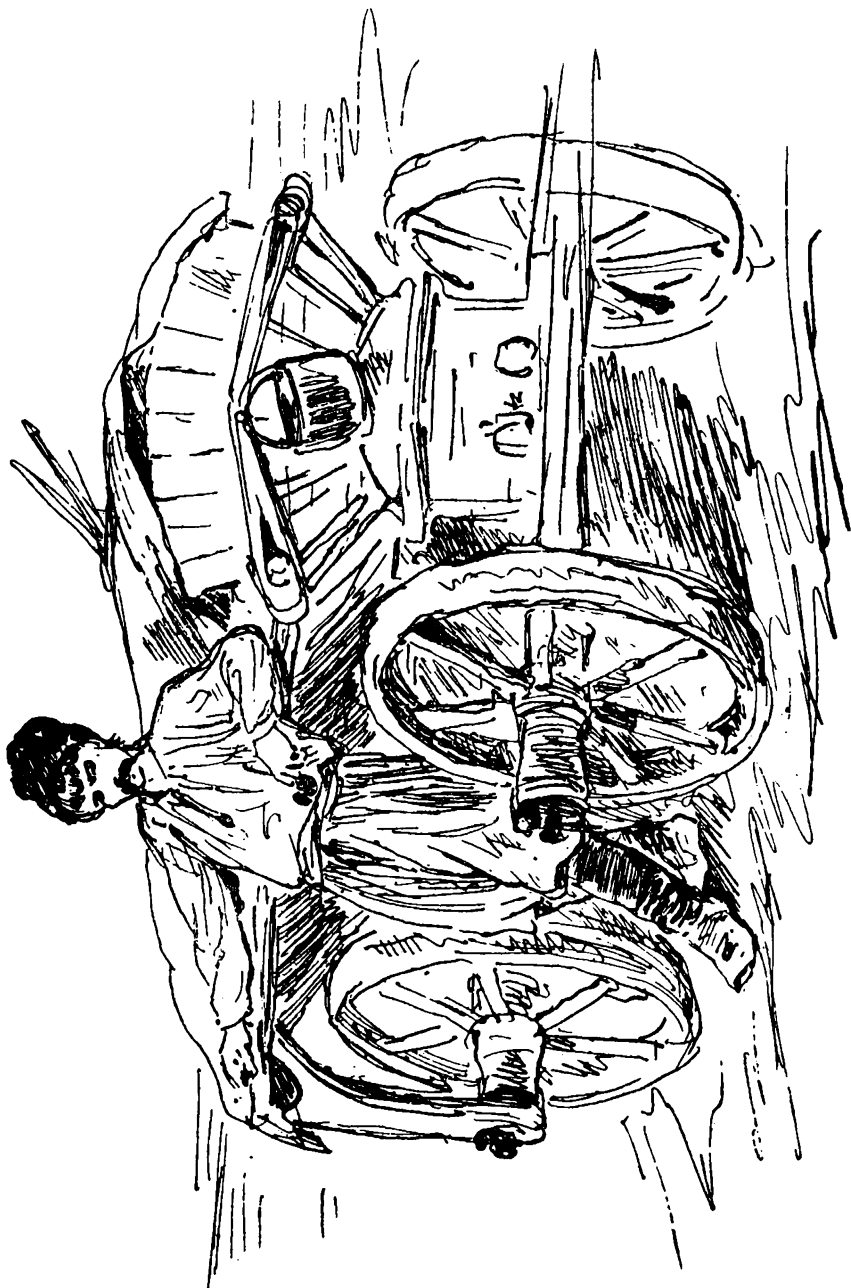
Иногда, въ лѣтнее время, я проживалъ у моей сестры, близъ г. Сумъ, харьковской губ., въ д. Ольшанкѣ. Деревня эта расположена въ живописной мѣстности, на берегу р. Пели. Усадьба выстроена на площадкѣ, среди вѣковаго лѣса, на нѣкоторой возвышенности, у подножія которой находится другая усадьба, окруженная прудами,—а за прудами опять стоитъ вѣковой лѣсъ. Въ полуверстѣ отъ усадьбы, высятся мѣловые горы, изъ которыхъ добывается мѣлъ, и въ построенныхъ здѣсь же заводахъ выжигается известка (ванна). Такъ какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ полтавской и черниговской губерній, известковыхъ заводовъ не было (нѣтъ и теперь), то изъ этихъ уѣздовъ, съ весны наѣзжала масса чумаковъ, за известью. Нѣкоторымъ приходилось долго ожидать очереди, чтобы забрать известь,—и тогда они располагались цѣлымъ таборомъ близъ заводовъ, и пускали своихъ воловъ пастись на обширномъ лугу близъ Пели. Какой интересный матеріалъ представляли эти чумаки, волы, возы—и

какіе интересные типы попадались на каждомъ шагѣ! Высокій, стройный, загорѣлый, съ важной осанкой, въ широчайшихъ шароварахъ, пропитанныхъ дегтемъ, чумаки такъ и просились на полотно.—Я конечно всегда обращался къ такому чумаку съ просьбой позволить нарисовать его; но не такъ то скоро можно было добиться его согласія позировать. Недовѣрчиво относился онъ къ моей просьбѣ, и долго допытывался отъ меня, зачѣмъ, да почему пришла охота рисовать. Не очень то соблазняло его и обѣщаніе заплатить за то, что онъ посидитъ передо мной—и когда наконецъ онъ соглашался исполнить мое желаніе, то рѣдко бралъ за это плату, но за то непремѣнно требовалъ, чтобы я съ нимъ выпилъ „по чарци горилки“. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ чумака, когда онъ собирался выпить чарку—слѣдующую поговорку: „чарко моя, чупурушко, я тебе выпью, моя душко, я тебе выпью та не вылью; я съ тобою, чарочко, погуляю якъ билая рыбочка по Дунаю“—и затѣмъ „бувайте здоровы, хай вамъ легенько згадається“.

Случалось, что я приглашалъ чумака въ домъ, также съ цѣлю рисовать его, и подмѣтить его жесты, движенія, въ то время, когда онъ будетъ разговаривать.—Входилъ онъ, обыкновенно въ комнату важно, на лицѣ его не выражалось удивленія при видѣ непривычной для него обстановки, садился на стулъ или диванъ совершенно свободно, и какъ будто не обращалъ ни на что никакого вниманія. Сестра моя и зять старались занять его разговоромъ, а я въ это время располагался гдѣ нибудь поодаль и рисовалъ.—Чумаки, повидимому, и не замѣчали, что я его рисую, а между тѣмъ онъ все видѣлъ,—и когда я оканчивалъ рисунокъ, то онъ обыкновенно обращался ко мнѣ съ словами: „хйба я не бачивъ шо ты робувъ, а ну, покажъ, якъ ты мене намалювавъ“.

Однажды, приглашенный такимъ образомъ чумаки цѣлый вечеръ занималъ насъ разказами, и что это были за разказы! сколько тутъ было неподражаемаго юмора и картинности въ описаніяхъ!—Еслибы возможно было эти разговоры стенографировать, то они составили бы драгоцѣнный матеріалъ народнаго творчества, и талантливыхъ импровизацій — но увы, все это пропадало безслѣдно. У Марка-Вовчка въ его „Народныхъ опо-

виданяхъ“ есть изъ чумацкаго быта нѣсколько рассказовъ, напоминающимъ тѣ рассказы, которые мнѣ приходилось слышать изъ устъ чумаковъ.

Разъ, когда я бродилъ по чумацкому табору, вниманіе мое было привлечено нѣсколькими хурами (возами), рѣзко отличавшимися отъ прочихъ,—возы эти были крупнѣе другихъ, нѣкоторыя части ихъ были украшены рѣзбой и покрашены; ярмо также было покрыто рѣзбой. Облокотившись на возъ стоялъ высокій статный чумакъ, въ синихъ шароварахъ и высокой барашковой шапкѣ. — Ужасно захотѣлось мнѣ его нарисовать—такъ онъ былъ весь живописенъ по своей позѣ; я подошелъ къ чумаку, поздоровался;—онъ, неизмѣняя своей позы, приподнялъ шапку и отвѣтилъ мнѣ легкимъ поклономъ; на мою просьбу—постоять въ той позѣ, пока я его нарисую, онъ отвѣтилъ; — „чому жъ, можно—малюй, колы хочешъ“—когда я усѣлся, и сталъ набрасывать рисунокъ въ альбомъ,—чумакъ обратился ко мнѣ со словами: „а я такій же панъ, якъ и ты, дарма, шо чумакую“. — Я выразилъ удивленіе и спросилъ, что же заставило его чумаковать. „Да такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, люблю; дома сидѣть наскучаетъ,—да и много всякой погани между людей,—а тутъ идешъ много верстъ степью повидишь Крымъ, наберешъ соли—и назадъ. Хорошо весной на вольномъ воздухѣ и въ широкихъ степяхъ! нѣтъ бабъ—и вздоровъ меньше“. — Все время, пока я рисовалъ его, онъ рассказывалъ мнѣ про свои поѣздки съ большимъ увлеченіемъ. — Мнѣ говорили, что это былъ не единственный примѣръ чумака-пана (изъ мелкопомѣстныхъ).

Н. Трутовскій.

